Научная статья

УДК 821.161.1-1:808.1Блок
ББК 83.3(2=Рус)5
Ш 65
doi: 10.53598 / 2410-3489-2021-2-277-153-160

А. Блок и поэтические стратегии постмодернизма

(Рецензирована)

Н. М. Шишхова[1], К. Н. Анкудинов[2]

[1,2]Адыгейский государственный университет, Майкоп, Россия,
[1]sessvetla@mail.ru
[2]ankudinovkirill@rambler.ru

Аннотация.
Анализируется поэзия А. Блока, ее взаимосвязь с реалистическими, семантическими и перфомативными аспектами творчества русских постмодернистов. Тексты рассматриваются как способ мотивирования поэтических знаков в постмодернистской традиции. Они позволяют контекстуализировать модели выразительности в авангардистской поэзии и выделить основные парадигмы в ее трактовке, адаптировать художественные приемы и поиски нового языка. Отдельное вимание уделяется особенностям поэтического высказывания и его взаимодействию с пространством стиха. Интерес акцентируется на диалектике разрушительных и созидательных сил в деконструктивизме наследия Вс. Некрасова, Д. Пригова, Т. Кибирова и др. Обсуждается актуальная проблема для теории современной поэзии: что стало с постмодерном как языком описания эпохи в XXI столетии. Особое внимание уделяется преемственности новых концепций с предыдущей культурной традицией в негативной и позитивной версиях. Тема особенно актуализируется благодаря выраженному стремлению представить тексты А.Блока и постмодернистской поэзии как культурное выражение новейшего времени.

Ключевые слова:
деконструкция, романтизм, палеопостмодернизм, постмодернизм, полицитатность, стратегия, энтропия

Original Research Paper

A. Blok and poetic strategies of postmodernism

N.M. Shishkhova[1], K.N. Ankudinov[2]

[1,2] Adyghe State University, Maykop, Russia
[1]sessvetla@mail.ru
[2]ankudinovkirill@rambler.ru

Abstract.
An analysis is made of the poetry of A. Blok, its relationship with the realistic, semantic and performance aspects of the work of Russian postmodernists. Texts are

explored as a way to motivate poetic signs in the postmodern tradition. They make it possible to contextualize models of expressiveness in avant-garde poetry and highlight the main paradigms in its interpretation, adapt artistic techniques and searches for a new language. An attention is paid to the peculiarities of the poetic expression and its interaction with the space of the verse. The interest is focused on the dialectic of destructive and creative forces in the deconstruction of the legacy of Vs. Nekrasov, D. Prigov, T. Kibirov, etc. The paper discusses the actual problem for the theory of modern poetry: what has become with the postmodern as the language of describing the era in the 21st century. Particular attention is paid to the continuity of new concepts with the previous cultural tradition in negative and positive versions. The theme is especially actualized due to the expressed desire to present the texts of A. Blok and postmodern poetry as a cultural expression of modern times.

Keywords:
Deconstruction, romanticism, paleopostmodernism, postmodernism, multicitationality, strategy, entropy

Настоящую статью хотелось бы начать незатейливым, почти детским стишком, который записан школьником в музее села Тараканово:

Блок – это круто!
Блок – это класс! Мы любим
Блока,
Блок любит нас.

Эти вирши юного постмодерниста практически отражают суть игры, затеянной его представителями с классическим наследием, где Пушкин и Блок выступают в качестве центральных героев.

Внутри постмодернистского поэтического пространства разворачиваются культурные конфликты и дискурсивное поле, которое порождает противоположные феномены. Тем не менее, хочется обратить внимание на тот факт, что это художественное пространство, особенно поэтическое, стало таким же табуированным, как и классическое, с представителями которого они, феномены, коммуницируют исключительно на игровом поле. К сожалению, не всегда соблюдается главное требование любой игры: прежде чем вступать в нее, нужно узнать правила. Они, конечно, известны ее участникам, но это не мешает игрокам подвергать эти правила такой же энтропии.

Коммуникативные и дискурсивные форматы, использованные ими в деконструктивной борьбе, отличаются выдающимся разнообразием. Вполне вероятно, что одна из причин такого явления – стремление унифицировать и обобщать дискурсы, акцентируемые в постмодернистском пространстве.

Целый набор таких дискурсов, всегда множественных и всегда принадлежащих другому, превратили творчество представителей этой поэзии в такую же табуированную систему, как и классическую. Например, уже в работах З.Г. Минц 70-х гг., посвящённых поэтике «символизма»: «О некоторых «немифологических» текстах в творчестве русских символистов», «Символ у Блока» [1], анализируются такие отчетливые базовые черты русского символизма, как неомифологизм, символизм и полицитатность.

В конце 80-х годов начался процесс реабилитации авторов советского андеграунда. Одним из первых свидетельств этого процесса был самиздатский журнал «Третья модернизация», поставивший во главу угла постмодернизм и поиск новых художественных форм. Открыто зазвучали имена Дмитрия Пригова, Тимура Кибирова, Льва Рубинштейна, Вс. Некрасова. Появились многочисленные исследования о характере деконструктивизма в их творчестве, о своеобразии поэтического аналога не только с романтиками и футуристами, но и символистами (особенно с

Блоком), и с неоромантиками (Оскар Уайльд). Например, по словам Я. Гордина, в стихах Виктора Сосноры очевидна общая черта представителей постмодернистской стратегии: «...не игра, но мучительная попытка перемешать времена, сломать условную структуру, для нашего удобства организующую реальность и раствориться в этом круговращении, чтобы познать его изнутри» [2: 9]. С таким утверждением согласны известные последователи поэзии раннего периода Н.Л. Лейдерман и М. Н. Липовецкий: «Художественное открытие Вс. Некрасова состоит в том, что он абсолютно последовательно создал в своих стихах образ поэта, тотально лишенного индивидуального сознания – чем заложил фундамент концептуализма в постмодернистской поэзии (Пригов, Рубинштейн)» [3: 392-393].

Неоднократно при анализе поэмы Венедикта Ерофеева «Москва - Петушки», главного художественного и философского манифеста русского постмодернизма 1970 – 1990 годов, цитировались слова главного героя «... я дал им почитать «Соловьиный сад» поэму Александра Блока. Авторы сравнивают реакцию на поэму с «нисходящей параболой». Пафосный стиль повествования Венечки в начале текста, начавшись нарочито грубым антуражем (пьянки, блядки и прогулы), закончился библейским контекстом («О, краше Соломона одетые полевые мыши») [4: 20]. При этом как основная особенность поэтики Ерофеева выделяется гротескное сложение высоких и низких стилистических пластов – прием для схождения несовместимых смыслов.

Пародийно непочтительное отношение к любым культурным мифологемам - в некотором роде генеральная черта поэзии этого периода. Литературоведы указывают, например, на игровой характер поэзии Д. Самойлова. Чаще всего они ссылаются на его последний сборник «В кругу себя», название которого отсылает к его собственным строкам: *Я сделал вновь поэзию игрой / В своем кругу*. Удивительная, на наш взгляд, встреча Л. Толстого А. Блока и Д. Самойлова рассматривается в эссе Екатерины Туповой «Толстовские мотивы», в поэме Давида Самойлова «Возвращение» (1988) и в других текстах разных жанров.

Читается данное ассоциативное сравнение через призму особенностей мифологизации, характерной для постмодернистской поэзии, указывающей на характер соприкосновения Блока и стратегий этой поэзии. Стихотворение Блока «На железной дороге» (1910), по его собственным словам, бессознательно связано с романом Толстого «Воскресение». В представлении Е. Туповой, Самойлов вводит новую ассоциацию: роман «Анна Каренина». Е. Тупова видит прямую отсылку в строках поэта:

Она грохочет неустанно
К черте последнего итога.
И вот уже захлебнулась Анна
В реке Железная дорога.

Трудно не выделить в поэзии постмодернизма постоянную контаминированную отсылку к известному - своеобразный ключ к разгадке. И творчество Блока очень часто находится в поле зрения таких авторов, как С. Бирюков [5: 220-221]. Самое тонкое и остроумное доказательство этому - статья М.Л. Гаспарова «Сотри случайные черты» (А. Блок и Вс. Некрасов)».

Хрестоматийное положение постмодернистской стратегии: все уже сказано, все слова принадлежат уже другим. И надо творить, исходя из этого постулата, смешивать и трансформировать знакомое, чтобы создавать нечто совершенно новое. Пятистишие В. Некрасова рассматривается М. Гаспаровым именно с такой точки зрения:

Сотри случайные черты
Три четыре

Сотри случайные черты
Смотри случайно
Не протри только дырочки [6: 86].

Первая строка – известная цитата из Блока (из пролога к поэме «Возмездие»), которая совмещается с шуткой - каламбуром: *три да три да три – что получится?* И перед нами предстает с очевидностью высокое и житейское - излюбленный прием не только Вс. Некрасова, но и других авторов той же эстетической позиции.

Рефлексия, связанная с творчеством Александра Блока, в творчестве Вс. Некрасова встречается довольно часто и, судя по всему, несёт концептуальный смысл. Вот эксперимент со строкой из «Скифов», близкий по приёму к рассмотренному выше тексту.

Нас тьмы
и тьмы, и тьмы
и тьмы и тьмыитьмыитьмыть
мыть и мыть [7: 56].

А также стихотворение-комментарий к ударной фразе статьи «Интеллигенция и революция: *А дух есть музыка... Всем телом, всем сердцем, всем сознанием – слушайте Революцию* [8: 239], которое называется «Музыкальная фраза»:

Слышали
Музыку
Боже ты мой
И какие же уши
Слушали
Музыку
РевОлюции
Музыка музыкою [7: 34].

Отношение к Александру Блоку у Всеволода Некрасова во всех трёх текстах довольно критично. Вс. Некрасов – поэт-концептуалист, противопоставивший правде устного речевого потока штампы «высокой» письменной речи. Очевидно, что блоковские романтические призывы для Вс. Некрасова соотносятся со вторым началом, и он их изящно деконструирует. Те же самые цитаты-мемы из поэзии Александра Блока у следующего поколения поэтов, у представителей постсоветского постмодернизма, вызывают иную, более сдержанную аналитическую реакцию. Так Алексей Корецкий пишет:

Сотри случайные черты, -
и не увидишь собственную душку,
но ты уткнёшь ослепшие персты
в кавказский говор черноты,
запущенной на полную катушку.

Но чем застылей и слепей
растянутое созерцанье, -
тем явственней и холодней
мышино-серое мерцанье.

То не закат и не рассвет,
но - лампочек перегоревших
тот свет,
непредумышленный балет
частиц, случаянно засевших
на колеях чужих планет [9].

Смысл стихотворений-откликов Вс. Некрасова и Алексея Корецкого формально совпадает: «стирание случайных черт» приводит не к вИдению прекрасности мира, а к попаданию в иную, страшную, докультурную реальность, в «дырочку» или в «мышино-серое мерцанье», в «случайно засевших» «тот свет лампочек перегоревших». Но если текст Вс. Некрасова полемичен и ироничен по отношению к блоковскому призыву, то стихотворение А. Корецкого ограничивается тем, что корректно его поправляет. Для него важна не столько личность А. Блока, сколько метафизика его высказываний.

Один из самых талантливых представителей концептуализма Тимур Кибиров, тонкий знаток русской поэзии XVIII века, поклонник В.К. Тредиаковского, посвятивший ему два стихотворения, демонстративно и пародийно использует постмодернистские стратегии: монтаж цитат, столкновение различных стилистических пластов, буквализацию

поэтических и идеологических клише, эстетику ничтожного и пошлого.

Тимур Кибиров очень любит эпиграфы, потому они не бывают для него случайными. Достаточно обратиться к текстам, чтобы увидеть существующую интертекстуальную связь между ним и эпиграфом.

Например, стихотворению, озаглавленному «К вопросу о романтизме», предпосланы упоминавшиеся выше строки А. Блока: *Всем телом, всем сердцем, всем сознанием – слушайте Революцию.* Многое написано о воинствующем антиромантизме творчества Т. Кибирова; подробно этот вопрос рассмотрен в публикации К. Анкудинова [10: 38-47]. Сцепление этого стиха не только с Блоком, но и со всей предыдущей русской романтической традицией выглядит почти вызывающе. Первая строка так и звучит: *И скучно, и грустно*, - и дальше все состоит из монтажа «революционно-романтических» цитат, завершающихся в виду угрозы гибели нарратора комично-покаянным отказом от романтизма.

Да здравствуют музы! Да здравствует разум!

Да здравствует мужество, свет и тепло!

Да здравствует Диккенс, да здравствует кухня!

Да здравствует ленкин сверчок да герань! [11: 273].

К. Анкудинов так интерпретирует это: «**Кто** здесь является героем-нарратором? Из **чьих** уст исходит монолог, являющийся стихотворением «К вопросу о романтизме»? Упоминание «Ленки» (реальной личности, имеющей самое прямое отношение к реальному Тимуру Кибирову) делает ответ на эти вопросы очевидным: герой-нарратор стихотворения – сам поэт, Тимур Юрьевич Кибиров собственной персоной. Он не разоблачает «романтизм» во внешнем бытии от лица условно-сатирической «маски»; он борется с ненавистным «романтизмом» *в себе*, изживая его. В виду этого обстоятельства становится понятно, почему «романтизм», описываемый Кибировым, носит столь отталкивающий и карикатурный характер» [10:42-43]. Примерно так же читаются «Рождественские аллегории», к которым опять предпослан А. Блок: «Да, и такой моя Россия...». В стихах реконструированы и реанимированы многие тогдашние клише («задом вертит Леонтьев», и рядом «Сталин глядит»). Это история разбившихся надежд, уходящей жизни, которую оплакивает «батя», «отец». Уже само название отсылает нас к предыдущим традициям, к имени И. Бродского, к его знаменитым рождественским циклам.

Тимур Кибиров склонен писать различного рода послания друзьям, соединять себя тесно с поколением не только нравственно-этической нитью, но и творческой: *Дети страшненьких лет забуревшей России/ Фантомасом взращенный помет, / в рукавах пиджаков мы портвейн проносили....* Это кибировский «Солнцедар», пронизанный поколенческими рефлексами.

Доминантная отсылка «страшненьких лет» даже не требует комментариев, ибо эта метафора выведена в заглавие блоковского цикла «Страшный мир». Хотя у Тимура Кибирова безусловно есть «личная своя синдроматика», как любил говорить Дмитрий Пригов.

Необходимо обратить внимание, что постмодернистская поэзия обдуманно выбирает своих ключевых героев: Пушкин, Блок, а позже к ним присоединится Бродский, спародированный в привычном духе. Своеобразной иллюстрацией к такому утверждению звучат слова в «Листках из дневника» А. Ахматовой: «Блока я считаю (одним из) не только величайшим европейским поэтом первой четверти двадцатого века, но человеком – эпохой, т.е. самым характерным представителем своего времени» [7: 160]. Тимур Кибиров

направляет послание художнику Семену Файбисовичу цикл «Двенадцать сонетов к Саше Запоевой»» (1995), своей маленькой дочке, отсылая нас за объяснениями к И. Бродскому «Двенадцать сонетов к Марии Стюарт». И здесь тоже есть диалог с Александром Блоком.

В отношении к личности и к творчеству Александра Блока прослеживается чёткий водораздел между постмодернистами советского андеграунда и их наследниками из последующих поколений, теми, чья активность пришлась уже на постсоветский период.

«Советский андеграундный постмодернизм» был замешан на отечественном изводе соц-арта, а, если говорить прямо, на неприятии авторами советской действительности и на стремлении деконструировать официальную государственную идеологию со всеми её источниками. Александр Блок провинился перед антисоветским андеграундом тем, что принял большевистскую власть и на некоторое время стал её глашатаем. Так, по поэтическому свидетельству Ивана Елагина, Даниил Хармс сказал: *Блок – на оборотной стороне / Той медали, - объяснил он мне, - / На которой (он рубнул сплеча) - / Рыло Лебедева-Кумача* [13: 720]. К идеологическому неприятию наследия А. Блока представителями андеграунда в 70-80-е годы XX века прибавилось метафизическое неприятие блоковского «романтического двоемирия» (постмодернистскому дискурсу свойственно отрицание романтического мировоззрения). Авторы противопоставляли дуалистической символистской концепции А. Блока свои «твёрдые начала» - то христианский традиционализм в духе Г. К. Честертона и «обывательские радости» (Т. Кибиров), то «естественную речь» (Вс. Некрасов), то «нерациональный и непредсказуемый поток жизни» (Вен. Ерофеев, у которого в поэме «Москва-Петушки» знакомство рабочей бригады с «Соловьиным садом» привело к массовой скупке «Свежести»). У всех этих авторов диалог с Александром Блоком принимал полемический характер. Даже поэты, вписавшиеся в официальную советскую иерархию, такие как упомянутый выше Давид Самойлов и Юрий Кузнецов, позволяли себе антиблоковские интенции (завуалированные у Д. Самойлова, например, в стихотворении «Ночной гость» или в известной балладе «Поэт, Пестель и Анна»; открытые и резкие у Юрия Кузнецова). У постсоветских же постмодернистов Александр Блок часто оказывается союзником.

Иллюстрацией этих изменений является обращение к блоковскому образу «Руси-жены». Он вызывает категорическое и агрессивное несогласие как у Юрия Кузнецова: *Мелькнул в толпе воздушный Блок, / Что Русь назвал женой, / И лучше выдумать не мог / В раздумье над страной* [14: 353]), так и у Тимура Кибирова: *Женой Александр Александыч / назвал тебя – ну сказанул! Тут Фрейду вмешаться бы впору, / тут бром прописать бы ему* [11: 275]. Стихотворение представителя следующего поколения Дениса Новикова «Россия» было написано в постсоветском 1992-м году. Ему предпослан эпиграф из А. Блока «... плат узорный до бровей». Денис Новиков обращается к России не как к жене, а традиционно – как к матери, однако эта поправка не сопровождается антиблоковскими выпадами, как у Ю. Кузнецова и Т. Кибирова. Образ Родины в его стихотворении выстраивается из концепта «Руси-жены» А. Блока, но этот образ совершает трансформации применительно к современности 1992-го года и в полном соответствии со стратегиями постмодернизма. «Русь-жена» (в нарративе Д. Новикова – «мама») проживает долгую жизнь и обретает черты современности – ущербность, зависимость от соседей:

Ты белые руки сложила
крестом,
лицо до бровей под зелёным
хрустом,

ни плата тебе, ни косынки –
бейсбольная кепка в посылке.
Износится кепка – пришлют паранджу,
за так, по-соседски [15: 98].

и упрямая советская неадекватность, сравниваемая с алкоголизмом:

Последний рассудок первач помрачал.
Ругали, таскали тебя по врачам,
но ты выгрызала торпеду
и снова пила за Победу [15: 98].

В последней строфе стихотворения Дениса Новикова амбивалентно-злая постмодернистская ирония разрешается пронзительным сочувственным лиризмом с фольклорными коннотациями...

По*едешь налево – умрёшь от огня.*
Поедешь направо – утопишь коня.
Туман расстилается прямо.
Поехали по небу, мама [15: 99].

Традиционный постмодернизм (палеопостмодернизм), замешанный на отрицании и на тотальной деконструкции, в этом стихотворении диалектически сменяется «постпостмодернизмом», совмещающим сознательную игру с культурными знаками и искренний патриотический пафос. Если палеопостмодернизм враждебен романтизму (равно как любому замкнутому культурному направлению), то «новый постмодернизм» (неопостмодернизм) может быть солидарен, в том числе, с романтизмом. В соответствии с этим Александр Блок из «проклятого модерниста», подлежащего деконструкции, превращается в товарища и соратника современных поэтов, пользующихся многообразными стратегиями постмодернизма. Также «... в последние десятилетия сформировалась тенденция об оригинальности поэтики Блока и тесной связи с русским романтизмом XIX века (В. Жуковский, Ф. Тютчев, А. Фет и др.). Это свидетельствует о желании выстроить единую концепцию развития русского романтизма, в которой справедливо занимает свое место Блок. Экзистенциальное художественное сознание и его выражение у всех этих художников имеет убедительное общее ядро» [16: 159]. Уместно к этому добавить и связь с поэтической практикой русского постмодернизма.

Примечания:

1. Минц З.Г Функция реминисценций в поэтике А. Блока // Ученые записки Тартусского гос. университета. Тарту, 1973. Вып. 3-8.
2. Гордин Я. Школа теней, или Возвращение невидимок (заметки). Предисловие // Виктор Соснора. Возвращение к морю. Лирика. Ленинград: Советский писатель, 1989.
3. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Русская литература XX века (1950-1990 годы). Т. 2. 5-е изд. Москва: Академия, 2010.
4. Ерофеев В. Москва – Петушки // Исповедь порока. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1991.
5. Бирюков С. Нетрадиционная традиция // Новое литературное обозрение. 1993. № 3.
6. Гаспаров М.Л. Избранные труды. Т. 2. Москва: Языки русской культуры, 1977.
7. Некрасов Вс. Стихи из журнала. Москва: Прометей, 1989.
8. Блок А. Собрание сочинений: в 6 т. Т.4. Ленинград: Худож. лит., 1982.
9. Корецкий А. URL: http://seredina-mira.narod.ru/koralexnew.html.
10. Анкудинов К.Н. Романтизм против романтизма: дискурсивные парадоксы поэзии Т. Кибирова // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Литературоведение, журналистика. 2014. № 4.

11. Кибиров Т. Сантименты. Восемь книг. Белгород: Риск, 1994.
12. Ахматова А. Собрание сочинений: в 2 т. Т. 2. М.: Правда, 1990.
13. Елагин И. Память. Поэма // Ново-Басманная 19. Москва: Худож. лит., 1990.
14. Кузнецов Ю. Избранное. Москва: Худож. лит., 1990.
15. Новиков Д. Виза. Москва: Воймега, 2007.
16. Шишхова Н.М. Особенности проявления романтического мировоззрения в лирике Александра Блока (1904 – 1912 гг.) // Шишхова Н.М., Анкудинов К.Н. // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. 2020. Вып. 1 (252). С. 153-169.

References:

1. Mints Z.G. The function of reminiscences in the poetics of A. Blok // Scientific notes of Tartu State University. Tartu, 1973. Iss. 3-8.
2. Gordin Ya. School of shadows, or return of the invisibles (notes). Foreword // Victor Sosnora. Return to the sea. Lyrics. Leningrad: Sovetsky pisatel, 1989.
3. Leiderman N.L., Lipovetsky M.N. Russian literature of the 20thcentury (1950-1990). Vol. 2. 5thed. Moscow: Academia, 2010.
4. Erofeev V. Moscow – Petushki // Confession of vice. Stavropol: Stavropol Publishing house, 1991.
5. Biryukov S. Non-traditional tradition // New literary review. 1993. No. 3.
6. Gasparov M.L. Selected Works. Vol. 2.Moscow: Languages of Russian culture, 1977.
7. Nekrasov Vs. Poems from the magazine. Moscow: Prometheus, 1989.
8. Block A. Collected works: in 6 volumes. Vol.4. Leningrad: Khudozh. lit., 1982.
9. Koretsky A. URL: http://seredina-mira.narod.ru/koralexnew.html.
10. Ankudinov K.N. Romanticism versus romanticism: discursive paradoxes of T. Kibirov's poetry // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Ser.: Literary criticism, journalism. 2014. No. 4.
11. Kibirov T. Sentiments. Eight books. Belgorod: Risk, 1994.
12. Akhmatova A. Collected works: in 2 volumes. Vol. 2. M.: Pravda, 1990.
13. Elagin I. Memory. Poem // Novo-Basmannaya 19. Moscow: Khudozh. lit., 1990.
14. Kuznetsov Yu. Selected works. Moscow: Khudozh. lit., 1990.
15. Novikov D. Visa. Moscow: Voimega, 2007.
16. Shishkhova N.M. Features of the manifestation of the romantic worldview in the lyrics of Alexander Blok (1904 – 1912) // Shishkhova N.M., Ankudinov K.N. // Bulletin of the Adyghe State University. Ser.: Philology and the Arts. 2020. Iss. 1 (252).

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.04.21; одобрена после рецензирования 28.05.2021; принята к публикации 30.06.2021.
The paper was submitted 25.04.2021; approved after reviewing 28.05.2021; accepted for publication 30.06.2021.

© Н. М. Шишхова, К. Н. Анкудинов, 2021